

М. Н. Шмелева

ПОЛЕВАЯ РАБОТА И ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Нет сомнения, что полевая этнографическая работа с целью поиска и фиксации бытовых форм и явлений, сохранившихся в нашей жизни как реликты, как напоминание об отдаленных временах, весьма полезна для реконструкции прошлого, а, значит, для познания истории в целом, выявления путей эволюции культуры народов с древнейших периодов и до наших дней. Исследователь архаики имеет возможность таким образом пополнить свою источниковую базу объективными достоверными данными, которые бывают, правда, включены в сложный и противоречивый культурно-бытовой «контекст», складывавшийся под влиянием различных факторов в ходе истории. Разумеется, к этим данным надо подходить критически, как, впрочем, и к любому другому историческому первоисточнику. Такая задача достойна и увлекательна, но она относится уже к области исторической этнографии. Между тем полевые материалы — это прежде всего естественный и богатейший источник для исследования современности. Вооружившись соответствующим инструментарием, этнограф, изучающий современность в «поле» (селе или городе), непосредственно наблюдает предмет своих научных интересов в процессе его функционирования и во всей сложности взаимодействия с окружающей социальной средой.

Между «современным» и «историческим» аспектами отношения к этнографическому «полю» нет принципиальной разницы. Все, что сегодня как-либо функционирует в быту, принадлежит современности и вместе с тем — истории. В советской этнографической науке давно установился и стал основополагающим исторический подход к изучению современности, которая рассматривается как результат и продолжение истории. Прошлое, таким образом, органически включается в круг внимания изучающего современность, и сама «этнографическая действительность» рассматривается как своего рода живая история. Такой взгляд обусловлен и исторической длительностью современности, проходящей в своем развитии разные этапы.

Современность, как известно, в этнографии понимается по-разному. В применении к нашей стране современность в узком значении — это период развитого социализма, в широком — более длительный исторический период. Думается, современность во втором значении вполне правомерно рассматривать как исторический период, начавшийся после победы Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало коренным изменениям в культуре и быте народов СССР. Так, собственно, и принято в советской этнографической литературе.

Отсюда вытекает одна из основных и первостепенных задач текущей полевой работы — тщательное наблюдение и фиксация предметов и явлений, имеющих этнографический интерес.

Материалы, собранные специалистом-этнографом с помощью всех доступных в настоящее время средств и способов (полевые записи, анкеты, рисунки, чертежи, фотографии, звукозапись и т. п.), оформленные в соответствии с установленными правилами, отражают состояние быто-

вой культуры на определенный исторический момент. Такие материалы имеют большую ценность и могут служить первоисточником как для синхронного изучения современности, так и для будущих исследований, когда современность станет прошлым. Из практики этнографической работы хорошо известно, насколько неблагоприятно отражается на ней недостаточность тех или иных данных, хотя бы, например, о еще совсем недавних 1920-х и особенно 1930-х годах, когда полевые исследования современности проводились мало или совсем отсутствовали. Поэтому накопление полевого материала по современности составляет важную задачу этнографов, занимающихся ее изучением.

С точки зрения последовательного историзма бытовая культура, составляющая одну из основных предметных зон этнографии¹, рассматривается как сложное гетерогенное явление. В ней в неразрывной связи и в постоянном взаимодействии находятся многообразные элементы, возникшие в разное время и при различных обстоятельствах. Роль их в современной жизни также неодинакова: одни элементы относятся к отжившим или отмирающим, другие составляют основу этнографической действительности или имеют перспективу дальнейшего развития. Этнограф обязан понять их роль, найти соответствующее место каждому из разнородных явлений, уживающихся в едином целом, а для этого необходимо, чтобы первоисточник (т. е. полевые материалы) отображал действительность адекватно — во всей ее исторической емкости в широком смысле слова. Это означает, что полевые сборы при изучении современности должны включать материал и о новом, прогрессивном в быту населения, и о старом, консервативном, пережиточном, о том, что активно бытует, и о том, что уходит из продуктивного бытования и остается в воспоминаниях и представлениях главным образом старшего поколения.

Отсюда вытекает один из сложных вопросов об отображении в полевых материалах влияния на бытовую культуру промышленного производства и профессионального творчества и сопряженной с этим унификации, стандартизации быта. Известно, что процесс этот сильно развился в настоящее время, особенно в городе, и касается материальной и отчасти духовной культуры. Проблема воздействия нивелирующих факторов на народную культуру, кстати, еще недостаточно разработанная, не исследуется в настоящей статье. Скажем лишь, что воздействие это должно фиксироваться в полевых материалах и потому, что стандартизированные формы культуры входят в систему современного быта народа и, следовательно, находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности с его другими компонентами, и потому, что кроме «опредмеченной» стороны культуры, которая особенно сильно подвержена нивелировке, есть еще духовная ее сторона, долгие сохраняющая и даже зачастую развивающая в современных условиях этническую специфику². К тому же вряд ли следует уподобляться отдельным корреспондентам (например, Русского географического общества), недооценивавшим специфику современной им этнографической действительности и на вопросы о быте местного населения отвечавшим, что дома, платье, нравы его — обыкновенные, тогда как другие авторы давали ценные описания, помогающие представить образ жизни их современников с большими подробностями³.

Стремление к адекватному отображению действительности и углубленное проникновение в изучаемую современность приводят к необходимости собирать в поле материалы, которые вместе с другими данными (литературными, архивными) могут характеризовать изменения в бытовой культуре на предыдущих этапах развития общества. В настоящее

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 358.

² Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 358—359.

³ См.: Рабинович М. Г. Ответы на Программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М.: Наука, 1971.

время, учитывая достижения этнографической науки, нецелесообразно изучать современное состояние этносов (этнокультурные, культурно-бытовые, демографические и другие процессы) путем простого сопоставления его с дореволюционным. П. И. Кушнер еще в 1950-е годы писал, что только поэтапное изучение этнографического материала советского времени открывает причинную зависимость изменений, происходящих в отдельных сторонах культуры и быта народов под влиянием важных социально-экономических преобразований и идеологической борьбы, характерных для каждого отдельного периода. Поэтапное изучение развития бытовых явлений помогает вскрыть причины, ускоряющие или замедляющие процесс внедрения в быт нового⁴. А это имеет не только теоретическое, но и практическое значение, например в работе по внедрению в быт новых безрелигиозных обрядов, современных бытовых праздников и торжеств. То же относится и к дореволюционному времени.

Все это выдвигает на первый план проблему исторических корней функционирующих этнографических явлений, анализ их происхождения и особенностей развития. Вопросы о судьбах традиций, объединяющих этнос в пространстве и времени, о взаимодействии их с инновациями, об этнической преемственности, о передаче культурного наследия непосредственно из поколения в поколение или с интервалом (дискретно) составляют один из стержневых моментов этнографического изучения действительности.

Детальный анализ этнографических явлений сегодняшнего дня в тесной связи с особенностями развития культуры и быта прошедших периодов не раз успешно осуществлялся советскими этнографами. Так, в монографиях о колхозной деревне 1950—1960-х годов материал рассматривался в ракурсе «современность и прошлое», причем дореволюционному времени в них посвящены развернутые разделы⁵. В некоторых случаях направленность исследования подчеркивалась самим названием книги. В монографии о селе Вирятино, например, коренные изменения в жизни южнорусского крестьянства, происшедшие в ходе утверждения колхозного строя, прослеживаются в неразрывной связи с развитием исконных традиций хлебопашества и влияния, оказываемого рабочими еще с дореволюционного времени на быт, нравы и идеологию жителей села через крестьян-отходников (главным образом в Донбасс)⁶. В книге о калининских льноводах пути развития нового в деревне на отдельных этапах становления современного социалистического общества анализируются с учетом духовного и материального наследия, оставшегося от дооктябрьского прошлого с характерным для него интенсивным ростом товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве, и широких и разнообразных связей с городом, в том числе через отходников⁷. Авторы монографии о селении узбекских хлопководов Айкыран в Ферганской долине показывают, как в ходе преодоления былой культурной отсталости складываются современные быт и культура колхозников при сохранении самобытности в укладе, обусловленной особенностями национальных традиций и природной среды⁸. В коллективном труде о народах Северного Кавказа картина формирования и стабилизации нового быта создается путем поэтапного рассмотрения этнографического материала о судьбах традиций, сложившихся ранее и в иных условиях⁹.

⁴ Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, с. 7.

⁵ См., например: *Сухарева О. А., Бикжанова М. А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955; Село Вирятино в прошлом и настоящем; *Терентьева Л. Н.* Колхозное крестьянство Латвии. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. М.: Наука, 1962; Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.—Л.: Наука, 1964, и др.

⁶ Село Вирятино в прошлом и настоящем, с. 6—7.

⁷ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Изд-во АН СССР, 1964, с. 3—4.

⁸ *Сухарева О. А., Бикжанова М. А.* Указ. раб., с. 235.

⁹ Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967). М.: Наука, 1968.

Проблема исторических корней получила дальнейшее развитие в работах, посвященных изучению городского населения. В исследованиях о рабочем классе, проводившихся в различных республиках в 1950—1960-х годах под руководством Ю. В. Крупянской, эта проблема оказалась ключевой в определении роли рабочего класса и его общественных и бытовых традиций в процессе создания новых форм быта у народов СССР и закрепления в их культуре многих интернациональных черт¹⁰.

Один из существенных вопросов этнографического изучения города связан с особенностями формирования городского населения. Он продолжает быть актуальным в условиях непрерывного роста городов, возникновения новых городских поселений, увеличения городского населения вследствие переселения в города сельских жителей и перемещения самих горожан в пределах отдельных районов, республик и целой страны. Изучение процессов адаптации отдельных групп переселенцев к условиям города, взаимодействия этих групп между собой и с коренным местным населением на отдельных исторических этапах современности в моноэтнической или полиэтнической среде позволяет проследить формирование и развитие современной бытовой культуры народов, понять «механизм» выработки в ней общего и сохранения особенного, сохранения и трансформации, отмирания и зарождения народных традиций в условиях все растущей урбанизации, широких и разнообразных межэтнических и межсоциальных контактов.

Работа в этом направлении требует привлечения целого комплекса источников. Большая роль принадлежит здесь полевым материалам, собранным по заранее продуманному плану. Прежде всего программы и вопросники с заложенными в них задачами, основанными на определенных гипотезах исследования, должны быть нацелены на добывание не суммарных, а дифференцированных и детализированных конкретных сведений. При этом необходимо учитывать не только этнические или локальные (областные) особенности коренного местного и пришлого (появившегося в разное время) населения, но и различия — возрастные, социальные, профессиональные, культурные (образовательные), а также в семейном положении. Группы населения, в которых должно проводиться обследование, определяются заранее в соответствии с целями исследования, имеющимся опытом и конкретной обстановкой на месте работы, выясненной по соответствующей литературе или с помощью рекогносцировки.

В силу исторической природы этнографической действительности сбор синхронного полевого материала дает возможность получить о ней и диахронное представление. Историческая глубина массовых сведений о корнях бытующих явлений определяется возрастом старшего поколения носителей этнической традиции, продленным благодаря сохранившимся в его памяти рассказам родителей и дедов об их времени, а также возрастом памятников, оставшихся от прошлых времен и выполняющих теперь ту или иную роль. Среди памятников встречаются порой очень древние, восходящие к отдаленным историческим эпохам. Они интересны этнографам вдвойне: и как реликты прошлого, которые могут быть использованы для его реконструкции, и как элементы культуры, функционирующие в настоящее время или в сравнительно недалеком прошлом. Такие пережиточные элементы встречаются в жилище, пище, календарных и семейных обрядах и т. п. Вопрос о том, почему они удержались в быту, надолго пережив эпоху, их породившую, сам по себе достоин особого внимания. Но в данной связи скажем лишь, что вполне естественный интерес этнографа к старому, тем более раритетному, не должен привести к переоценке его роли и значения в современности. В противном случае собранные материалы не обеспечат адекватного отображения действительности и так или иначе приведут к ее архаизации.

¹⁰ Этнографическое изучение быта рабочих. По материалам отдельных промышленных районов СССР. М., 1968, с. 16—17, 27 и др.

Чтобы по возможности избежать субъективности и различных «перекосов» при сборе материалов, факты, добытые в поле, должны строго и всесторонне документироваться. Следует фиксировать время и круг бытования, повторяемость и широту распространения, интенсивность и уровень функционирования (находятся в живом бытовании, известны населению, помнятся, относятся к сфере представлений и т. п.). Такая документация предполагает не простое фиксирование наблюдаемых факторов, а их изучение. Перед исследователем встает множество вопросов, связанных с их бытованием, которые необходимо выяснить тут же, на месте, чтобы собранные материалы могли стать достаточно достоверным источником.

Большое значение в полевой работе имеют ее организация, способы добытия материала. Еще несколько десятилетий назад, когда этнография занималась почти исключительно сельским населением и урбанизация не зашла в своем развитии так далеко, как теперь, а население деревни было более однородным, исследователи могли свободно обходиться привычными для них методами наблюдения и опроса. Обозримость изучаемых объектов, господство сравнительно небольшого числа стереотипов в материальной и духовной культуре способствовали тому, что почти от любого жителя селения можно было получить довольно развернутую характеристику его быта. С усложнением социально-профессиональной структуры населения и особенно с расширением области этнографического изучения — переходом к исследованию городов с их очень сложным составом населения возникла необходимость в получении массовых и вместе с тем представительных материалов. На помощь пришла статистика. Однако данные существующей государственной и ведомственной статистики далеко не всегда содержат сведения, необходимые при этнографических исследованиях; поэтому этнографам, изучающим отдельные стороны культуры и быта, нередко самим приходится проводить массовые обследования населения с помощью специально составленных опросных листов и анкет. Усилиями этнографов и этносоциологов накоплен опыт применения различных видов такого инструментария, разработан и практикуется метод представительной выборки, позволяющий создавать для обследования намеченных объектов (городов, целых районов, сел, социальных групп, отдельных трудовых коллективов) вполне обозримые модели, обладающие в известном приближении войствами интересующих исследователей совокупностей. Критерии, положенные в основу выделения выборки, могут быть различными. Главное, чтобы выборка соответствовала целям и программе исследования, позволяла выявить не только типовые черты объектов, но и их специфику или местные особенности и была бы достаточно репрезентативной.

Массовые анкетные обследования проводятся этнографами обычно при разработке отдельных вопросов, которые могут быть выражены в количественных показателях (состав семьи, ее численность; конструкция, планировка и размеры жилища; наличие и состав подсобного хозяйства и т. п.). Успешно применяются они и для изучения сложных процессов формирования населения, этнического состава отдельных территориальных, социальных и профессиональных групп на различных исторических этапах развития общества. В целом метод массового анкетирования при достаточно профессиональном его применении дает очень емкий и легко-равнимый материал. Ценность его заключается еще и в том, что он позволяет относительно легко проследживать тенденции в развитии тех или иных культурно-бытовых форм и явлений и отбирать наиболее интересные из них для углубленного изучения. Однако такой обобщенный материал лишен живой этнографической конкретики и поэтому нуждается в дополнении данными, собранными с помощью иных методов.

Особое место в полевой работе занимает сбор различных сведений в местных учреждениях и организациях. Здесь собиратель знакомится с необходимой документацией и получает обобщенную информацию об отдельных сторонах жизни местного населения от руководителей и других ответственных лиц, которые выступают как своего рода эксперты.

В этой информации обычно бывают сконцентрированы длительность наблюдения и большой опыт работы, и потому она носит достаточно объективный и обобщающий характер. Ценность ее определяется не только тем, что она содержит многие весьма полезные вспомогательные данные и отдельные этнографические факты. Такая информация помогает исследователю ориентироваться в местной ситуации, внести коррективы в свои гипотезы и выбрать наиболее целесообразное направление для дальнейшей работы. Желательно, чтобы беседы с подобными экспертами проводились в начале полевого исследования.

В ходе работы экспертами по конкретным проблемам могут быть и представители отдельных групп населения, обладающие широким кругозором, наблюдательностью и живым интересом к окружающему. Исследователь при этом должен иметь отчетливое представление о личности такого эксперта, чтобы при использовании полученной информации по возможности учесть субъективность суждений.

Вообще подбор информаторов и респондентов в поле при решении такой сложной задачи, как этнографическое изучение современности, имеет очень большое значение и требует учета множества факторов. Для получения наиболее полного представления об особенностях культуры и быта социально-бытовых групп, намеченных для изучения, например, в городе, хорошие результаты дает выбор информаторов (ввиду невозможности сплошного обследования) отдельно из коренных и приезжих жителей, давно и недавно проживающих в данном городе, из работающих в городе сельских жителей, из потомственных кадровых и новых работников определенной отрасли народного хозяйства, из работников разных профессий и квалификаций. При этом, разумеется, надо учитывать уровень образования информаторов, их семейное положение (состав семьи, ее численность, наличие детей) и материальные условия жизни (местожительство, тип жилища, наличие или отсутствие подсобного хозяйства) и т. д., т. е. все объективно существующие условия, оказывающие большое воздействие на развитие бытовой культуры.

Иногда, особенно при анкетных обследованиях, применяется и метод случайной выборки с последующей классификацией обследованного населения по различным параметрам, заложенным в опросный лист, но, на наш взгляд, предварительный отбор информаторов при этнографическом изучении имеет преимущества. Некоторая осведомленность собирателя о личности опрашиваемого способствует установлению с ним более тесных контактов и тем самым делает беседу более результативной.

Исходя из задач адекватного отображения этнографической действительности, при изучении современности немаловажное значение придается выбору наиболее эффективных путей проникновения исследователя в быт изучаемого населения, в частности подбору единиц наблюдения. Универсальными, т. е. открывающими наиболее широкие жизненные сферы для наблюдения, нам кажутся два подхода: территориальный и производственный. Территориальный подход (основная единица наблюдения — территориальная общность: деревня, село, улица, квартал и т. п.) более всего подходит для изучения относительно однородного малоподвижного населения, а также вопросов, связанных с поселениями, соседскими отношениями, с социальной топографией в прошлом и т. д. Производственный подход (обследование через трудовые коллективы промышленных предприятий, учреждений, коллективных хозяйств) наиболее результативен при выявлении общих и групповых специфических черт культуры и быта отдельных социально-профессиональных групп, при сборе материалов о взаимовлиянии семейного и общественного быта, об адаптации различных групп приезжего населения к местным условиям, о трансформации многих старых и рождении новых общественных традиций и т. п.

Выделение трудового коллектива в качестве единицы обследования современного сельского и особенно городского населения как своего рода базы для углубленного изучения не только производственного и об-

ственного, но в известной степени и домашнего быта обусловлено той большой ролью, которую играет само общественное производство в жизни народа. Обычно все члены трудового коллектива бывают связаны не только производственными, но и общественными интересами, и производственный коллектив выступает как носитель общественных и бытовых традиций, восходящих к классовой солидарности передовых рабочих прошлого. Показателем его сплоченности является существование в производственной среде высокоразвитого, активно действующего общественного мнения как средства социального контроля. Влияние этого контроля распространяется далеко за пределы трудового коллектива, поскольку производственные связи вместе с другими традиционными связями образуют единую сферу бытового общения. Круг их довольно широк; он включает в известной мере и семейно-домашнюю область быта с ее особенно разветвленными связями вследствие преемственности занятий в семейно-родственной среде. Все эти связи имеют тенденцию к дальнейшему развитию. Они стимулируются самой общественной жизнью на производстве, охватывающей и материально-хозяйственные, и духовно-этические стороны жизни членов производственного коллектива и их семей.

Огромное влияние социалистического производства на культуру и быт села или города в целом делает сбор этнографических материалов по современности через производственные коллективы одним из основных в полевой работе. Однако возможны и другие способы этнографических обследований, например через малые группы, связанные единством интересов, такие, как кружки художественной самодеятельности, спортивные организации, клубы по интересам, садово-огородные товарищества и т. п. Правда, подобное обследование носит обычно более частный характер и осуществляется чаще всего как дополнительное. В результате, руководствуясь тем или иным принципом собирательской работы в поле, исследователь в соответствии со стоящими перед ним задачами отбирает, как уже говорилось, информаторов для проведения систематических планомерных опросов.

Как известно, метод получения сведений от населения путем опроса — один из главных в этнографии; он применяется и при изучении современности. При этом работа с информатором по стандартизированным вопросам проводится чаще всего при выяснении отдельных вопросов, как способ замера или зондажа при разведке (например, при необходимости выбрать объект для будущих исследований). Для углубленного изучения этнографических явлений, особенно связанных с духовным миром человека, больше подходит форма опроса в виде свободной беседы, незаметно направляемой исследователем. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в силу избирательности человеческих интересов и пристрастий, а также неодинаковой памяти сообщения информаторов могут быть ценными в одном и малозначимыми в другом, что затрудняет их использование при наборе стандартных вопросов. Впрочем, элемент стандартности присутствует и в работе методом свободной беседы, содержание которой (состав выясняемых вопросов) обусловлено в целом программой исследования.

Работа с информатором обычно приводит этнографа в семью. Сбор комплексных материалов по разным темам в семье, которая является микроячейкой общества и отражает в своем быту важнейшие стороны образа жизни народа, чрезвычайно плодотворен. Он давно и успешно применяется этнографами, в том числе и при изучении современности как в городе, так и в деревне. В семейной, домашней среде сосредоточено множество нитей, связывающих людей с различными сферами жизни. Именно здесь удастся наблюдать этнографические явления во всей их сложности и тесной взаимозависимости и взаимообусловленности. А это в свою очередь облегчает понимание сущности таких явлений и позволяет проследить важнейшие тенденции их развития.

Добытый через семью материал обычно дифференцирован как в демографическом и социальном, так и в этнокультурном плане, поскольку

стабилизация этнических традиций в значительной степени происходит в рамках семьи и семейного быта. К тому же эти материалы отличаются большой исторической емкостью и хронологической четкостью благодаря сохраняющейся в памяти наших современников истории их семьи в поколениях. Эта устная, подчас во многом фольклоризированная история семьи и ее быта в самом широком его понимании, судьбы отдельных членов семьи и биография самого информатора служат органической основой бесед, интересных не только исследователю, но и его собеседнику, что как нельзя более способствует получению ценных этнографических сведений, порою уникальных по своей жизненной правдивости. Особенно результативна работа с представителями разных поколений, выполняющими в семье разные ролевые функции. Большую самостоятельную ценность представляют многотемные и многоплановые полевые материалы, собранные в тех семьях, где есть талантливые рассказчики, природные историки, одаренные носители этнических традиций. Такие полевые записи всегда откладываются в архивах этнографических экспедиций в довольно большом количестве. Думается, их было бы полезно публиковать как ценный источник для познания культуры и быта народа.

Работа с информатором в семье дает хорошую возможность исследовать быт самой «закрытой» его части — домашний, семейный. Непосредственное наблюдение жизни народа всегда составляло и продолжает составлять основу полевой собирательской работы этнографа. Оно дополняет, расширяет и корректирует сведения, полученные другими способами. Кроме того, многие этнографические явления и бытовые формы (особенности быта, поведение людей в быту, их взаимоотношения, их взгляды и представления в области быта) могут быть уловлены, зафиксированы и правильно интерпретированы лишь с помощью метода непосредственного наблюдения. Это относится, например, к таким элементам духовной культуры, как праздники, обряды, обычаи. Специфика их кроется в соблюдении множества поведенческих правил и предписаний, настолько привычных информатору, что они кажутся ему «обыкновенными», не стоящими упоминаний. Поэтому они легко могут ускользнуть и от внимания исследователя. Личное наблюдение необходимо и при изучении семьи и семейного быта. Оно помогает исследователю избежать искажения отдельных фактов в результате субъективной оценки их информаторами, что часто случается, например, при выяснении сущности внутрисемейных отношений. Изучение материальной культуры (жилища, одежды, пищи) без применения метода непосредственного наблюдения крайне трудно.

Наблюдение проводится в поле постоянно и повсеместно параллельно с другими способами сбора материалов (опросом, фотографированием, звукозаписью и др.). Результаты его обязательно должны фиксироваться в полевых дневниках. Обычно при этнографическом изучении исследователи пользуются методом «невключенного» наблюдения, доходчиво разъясняя местному населению истинные цели и задачи своей работы. Но это не препятствует применению и «включенного» наблюдения, когда исследование проводится по существу скрыто, а исследователь выступает для окружающих в какой-либо иной роли. Каждый из этих видов наблюдения имеет свои положительные и отрицательные стороны, и это может служить предметом дискуссии, но бесспорно одно: наблюдения, как и вся полевая работа в целом, чтобы не стать поверхностными, должны быть достаточно длительными.

Сроки полевых работ в целом находятся в зависимости от задач и программы каждого конкретного исследования. Можно сказать, что все крупные этнографические работы, посвященные современности, включая уже упоминавшиеся монографии о колхозном крестьянстве, коллективный труд об олонечких лесорубах, а также книги о культуре и быте уральских рабочих — горняках и металлургах, о среднерусском город-

ском населении и пр.¹¹, выполненные в Институте этнографии АН СССР и национальных республиках, основаны на полевых материалах, собранных в течение ряда лет.

Наиболее удобной формой полевой работы для многоплановых длительных наблюдений является устройство сравнительно долго действующих стационаров, в которых постоянно или с перерывами находятся коллективы научных сотрудников. Из основных пунктов стационаров при этом совершаются выходы в окружающие ближние и более отдаленные селения и города, с которыми различным образом связано изучаемое население. Такая организация работ обычно обеспечивает детальное и углубленное знакомство с культурой и бытом местного населения, которое обычно быстро привыкает к исследователям и идет им навстречу в их разысканиях. В то же время знакомство с округой расширяет горизонт исследования и способствует правильной оценке собираемого материала.

Хорошие результаты дает сочетание стационарной работы с маршрутной, охватывающей целые районы, в которых исследования ведутся по отдельным вопросам в течение более коротких сроков, но во многих местах.

Среди этнографов давно установилась практика при изучении какой-либо темы многократно выезжать в поле в разные сезоны. Она была вызвана ярко выраженной сезонностью образа жизни крестьянства, которое долгое время считалось единственным носителем этнических традиций и потому чуть ли не единственным объектом этнографического изучения. В науке утвердилось иное мнение: изучать стали не только сельское, но и городское население, да и в жизни сельского населения многое изменилось. Однако и теперь при изучении современности этот подход к полевой работе не утратил своего значения. Влияние сезонности на образ жизни не только крестьян, но и горожан необходимо учитывать при исследовании и хозяйственно-материального быта (занятий, одежды, пищи и даже жилища), и духовной культуры (общественного быта, досуга, праздников). Оно сказывается в преемственности некоторых старых традиций, развитии их в новых условиях и появлении новых форм быта (например, современных обрядов и праздников).

¹¹ См.: Верхний Олонец — поселок лесорубов. Опыт этнографического описания. М.—Л.: Наука, 1964; Крулянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1978.

С. И. Вайнштейн

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННО-БЫТОВЫХ КУЛЬТУР НАРОДОВ СССР

Научные материалы, полученные в ходе полевой работы, являются, как известно, одним из важнейших источников этнографии. В современных условиях они по-прежнему сохраняют первостепенное значение для разработки многих кардинальных проблем этнографической науки. Укажем хотя бы на получивший высокое признание советской общественности труд «Современные этнические процессы в СССР»¹, основной источниковедческой базой которого послужили этнографические факты, накопленные в результате многолетних полевых исследований большого отряда советских ученых в различных районах нашей страны. В значи-

¹ Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Наука, 1977.